

БИНАРНОСТЬ И ТЕРНАРНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ МЫШЛЕНИЯ ДВУХ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО, КОНФУЦИЯ И ЛАО-ЦЗЫ

Мысль о всеобщем спасении и всемирном соединении присутствует у разных народов. Однако способы спасения и объединения нередко отличаются друг от друга. Великий русский мыслитель Ф.Достоевский, названный Вл.Соловьевом «духовным вождем русского народа», много размышлял над этим вопросом. У древних китайских мудрецов тоже немало высказываний по этому поводу. Сопоставляя мысли двух народов, мы легко обнаружим разницу в их способах мышления.

«Ф.Достоевский был до глубины русский человек и русский писатель. Его нельзя себе представить вне России. По нему можно разгадывать русскую душу»¹. По Достоевскому люди Запада узнают Россию. Достоевского много читают в Китае (его произведения давно и не раз переиздавали на китайском языке), однако, как отметил современный китайский мыслитель Лю Сяофэн, «яд» Достоевского, к сожалению, до сих пор не «повредил» китайцам. Иначе говоря, китайцам трудно понять Достоевского. Почему? Мы считаем, что, во-первых, китайцам, воспитывающимся в контексте конфуцианских идей, трудно уловить смысл произведений, написанных в христианском (точнее, православном) духе; и что, во-вторых, принципы мышления культуры («строение души» России и Китая) различаются между собой.

Например, чтобы глубоко понять смысл произведений Достоевского, необходимо проникнуть в суть некоторых христианских смысловых полюсов: икона – топор, Бог – дьявол, человекобог – Богочеловек, Христос – антихрист, настоящий мир – мир потусторонний, царство духа – царство кесаря, свобода (воля) – рабство и т. п.².

Икона – высшее духовное и аскетическое стремление к абсолюту, это любовь, а топор – сопротивление злу с помощью материальной силы, это ненависть. Русский мыслитель В.Евдокимов в книге «Христос в русской идее» утверждает, что Ф.Достоевский в своих произведениях изобразил портреты святых и вывесил их на стене как икону³. А современный ученый Л.В.Карасев писал: «Топор – эмблема Достоевского, его ключевое слово, суперзнак. Для сравнения, если задаться вопросом, символами каких произведений могут служить, например, “мельница” или “череп”, то на

* Го Сяоли – профессор Хэбэйского педагогического университета, выпускница Пекинского института иностранных языков. Автор книг «Мессианизм России» и «Мессианство Достоевского: сопоставление с китайской культурой», а также ряда статей: «Структура и метаморфоза русского мессианизма», «Автохтонная и пограничная культура: сопоставление китайской и русской культур с точки зрения их происхождения» и др. Область научных интересов – русская культура, сопоставление русской и китайской культур, духовная роль русской культуры в общемировом процессе.

¹ Бердяев Н.А. Мировоззрение Достоевского (<http://magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn008.htm#07>).

² См. мою работу «Мессианство Достоевского в сопоставлении с китайским культурным мышлением» (Харбин, 2011).

³ Евдокимов В. Христос в русской идее / Пер. Ян Дзю. Шанхай, 1999. С. 76.

ум скорее всего придут “Дон-Кихот” и “Гамлет”»⁴. Надо признать, что оба вышеупомянутых мнения правильны. На одной стороне знамени, высоко воздвигнутом Достоевским, ярко и свято изображена икона, а на противоположной его стороне – топор. Ф. Достоевский глубоко верит в Бога и с великим восхищением воспеваает Его, но в то же время Бог всю жизнь его мучил, т. к. он все время сомневался. Он восхищался богочеловеком, но его Алеша и Зосима оказались очень бледными персонажами. Он сурово осуждал человекобога Ивана Карамазова, зато его Иван оживает на страницах романа и всегда вызывает симпатии у читателей.

Итак, в произведениях Достоевского мы находим конструкцию «взаимопора» – способ взаимосвязи полярных начал через бинарную систему «за» и «против», реализующую зыбкий баланс противодействующих сил в рамках условного целого. Эта бинарная конструкция встречается чуть ли не во всех произведениях Достоевского, соединяя противоположности в невозможное единство. Достоевский выступает и «за» и «против», у него – две правды, и ответ всегда остается открытым.

Эта бинарная структура мышления ярко выражается в известной главе «Великий Инквизитор». «Разворачивающаяся диалектика Достоевского основана на противопоставлении Богочеловека и человекобога, Христа и антихриста. Судьба человека осуществляется в столкновении полярных начал Богочеловеческих и человекобожеских, Христовых и антихристовых»⁵. Китайскому читателю не знакома именно эта своеобразная диалектика, которая наполняется антиномичностью русской идеи и которая основывается на христианстве (православии).

1. Легенда о Великом Инквизиторе, или Размышления о способах спасения человечества

«Легенда о Великом Инквизиторе» – вершина творчества Достоевского, увенчание его идейной диалектики. Но здесь мы не будем говорить о самой идее и раскрывать ее содержание, как это делало большинство исследователей, нас интересует лишь способ мышления и «строение души» Достоевского.

Н. Бердяев осуждал Великого Инквизитора за то, что он может быть прочитан как представитель советского деспотизма⁶. А В. Розанов видел в этом образе некоторые отражения западного протестантизма⁷. Хотя немало мыслителей критически относятся к данному персонажу, мы считаем, что у Великого Инквизитора все же была своя доля правды, его очень трудно категорически неспровергнуть.

Инквизитор упомянул «три искушения» (т. е. три вопроса, заданных «великим духом» Иисусу), ответы на которые продемонстрировали две принципиально противоположные позиции по вопросу спасения человечества. «В этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле»⁸.

⁴ См.: Карасев Л.В. О символах Достоевского // *Вопр. философии*. 1994. № 10.

⁵ Бердяев Н.А. *Мировоззрение Достоевского*.

⁶ Там же.

⁷ Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского (<http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>).

⁸ «Братья Карамазовы» (http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0100.shtml).

Иисус Христос (хотя он не произнес ни одного слова) и Инквизитор выступают как противоположные полюсы. Христос верит в человека, верит в то, что все люди без исключения могут преодолеть свои слабости и все в будущем воскреснут. Поэтому он дает людям свободу, не превращая камень в хлеб; отказывается сойти с креста или прыгнуть с высоты, отказывается от меча кесаря. Ведь Иисус «не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной»⁹: Христос видит все достоинства человека, уважает его и глубоко верит в то, что все люди одинаковы и все могут быть спасены.

А Инквизитор делит людей на две категории: меньшинство («избранные» или «десятки тысяч великих и сильных», по его словам) и большинство («многочисленные» или «десятки тысяч миллионов существ»). Он считает, что только избранные с их сильной волей могут вынести свободу, а многочисленные «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики». Они жаждут чуда и просят рабства, т. к. в свободе (которую дал им Христос) на месте храма Иисуса воздвигнется страшная Вавилонская башня. Промучившись тысячу лет с башней, эти многочисленные принесут свою свободу к ногам избранных и скажут: «Лучше поработите нас, но накормите нас»¹⁰.

Если Христос видит только положительные черты человека, то Инквизитор видит только его отрицательные стороны. На вопрос: «Чем спасти человечество?», Христос отвечает: «иконой», «любовью», «свободой» или «царством духа», ответ Инквизитора: «мечом», «рабством» или «царством кесаря»¹¹.

Не хлебом единым жив человек, ему нужна также свобода. В этом Иисус Христос абсолютно прав. Но, с другой стороны, Христос требует от человека преодолеть, превзойти его неодолимый инстинкт: отказаться от хлеба, когда испытывает голод, отвернуться от воды, когда мучим жаждой. Но все ли люди могут соответствовать этим аскетическим требованиям? История и действительность показывали и показывают, что до сих пор большинство людей порабощено своими желаниями и страстями: хотят богатой жизни, всячески стремятся к высокой должности, жаждут во что бы то ни стало быть выше или лучше всех... да, эти «многочисленные» отдали свою свободу ради своего желания, они рабы своих желаний и страстей!

Итак, на вопрос «как спасти человечество» Ф. Достоевский дал сразу два ответа: свобода и рабство. На первый взгляд кажется, что он всегда стоит на стороне Бога и Иисуса, но на самом деле писатель все время колеблется между двумя ответами, пытаясь делать выбор между полюсами А и В: либо А, либо В; либо свобода, либо рабство. Сам писатель мучится, разрываясь между этими несовместимыми полюсами. Два пути ко всеобщему спасению оказались взаимно противоборствующими, контрастными, они динамичны, пребывают во взаимной полемике. Они породили мучительное балансирование человечества между сохранением его внутреннего единства, целостности и их нарушением, расколом.

⁹ «Братья Карамазовы» (http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml).

¹⁰ Там же.

¹¹ См. мою работу «Мессианство Достоевского – и о сопоставлении с китайским культурным мышлением» (Харбин, 2011). А также см. мою работу «Мессианизм России» (Пекин, 2009).

2. Третий путь к спасению: размышления конфуцианства и даосизма

Эпоха, в которую жили Конфуций и Лао-Цзы, также была временем краха общества и моральной опустошенности. И оба великих мудреца «выписали рецепты» больному обществу. Хотя рецепты у них неодинаковые, но в способе мышления они похожи друг на друга: не выбор между двумя полюсами А и В, а смешение и интеграция противоборствующих полюсов¹².

Раскольников, как и самого Достоевского, мучил вопрос: «Справедливо ли делить людей на две категории?» Если Ф. Достоевский размышляет об этом с позиций религии, то Конфуций и Лао-Цзы подходят к нему совсем по-другому, с точки зрения своего рода политической социологии. Ведь человеческая история показывала и показывает, что меньшинство (избранные) всегда управляет большинством (т. е. «многочисленными», по словам Инквизитора). В истории человечества была выдвинута идея о том, что люди от рождения свободны и равноправны. Но древняя китайская «Книга перемен» гласит, что в природе все неравноправно: небо – над головой, земля – под ногами; с восходом солнца исчезает с небосвода луна. Небо и солнце – *ян*, а земля и луна – *инь*. Мужчина – *ян*, женщина – *инь*; после соединения *ян* и *инь* появляется сын. Поэтому отец находится выше сына по статусу, а если распространять этот закон на управление государством, то государь стоит выше, а подданные ниже. Китайский народ традиционно считал, что правитель получает свой мандат от неба. Государь руководит и управляет подданными, а подданные слушаются его. Таким образом, китайские мыслители признают, что существуют две категории людей: управляющие («философы, мыслители, писатели и ученые», по словам Инквизитора) и подданные («многочисленные»). Кстати говоря, в Китае бытовало такое древнее изречение: те, кто работают головой, всегда могут быть хозяевами; а те, кто занимаются черной работой, всегда остаются рабами. Конечно, в этом изречении сквозит презрение к трудовому народу; однако мы здесь не будем обсуждать данное мировоззрение, к тому же само это выражение не принадлежит Конфуцию и Лао-Цзы, мы обращаем внимание только на логику культурного мышления: разделение людей на две категории рассматривается как естественное явление.

И Лао-Цзы, и (особенно) Конфуций хотели вылечить болезнь общества. Что сделать, чтобы люди жили дружно и мирно? Чтобы все (избранные и подданные) уважали друг друга? И как можно объединить и спасти человечество? Ответ Достоевского был: «Либо иконой, либо топором; либо свободой и любовью, либо рабством и мечом». А какие ответы получились у Конфуция и Лао-Цзы?

Когда один государь (князь Чи Цзингон) попросил у Конфуция совета, великий мыслитель ответил: государь государем, подданный подданным, отец отцом, сын сыном¹³. Иначе говоря, если все люди в обществе соблюдают порядок и уважают старших и власть, то общество станет стабильным, а народ – благородным. Отсюда значение понятия *ли* – «порядок», «ритуал». Китайский мыслитель Чэнь Дусю справедливо отметил, что ключевой смысл конфуциан-

¹² Прежде всего надо указать, что у древних китайских мудрецов был только один мир – мир светский и земной (а у Достоевского – два мира). Конфуций молчал о Боге и о смерти, он стремился к «Дао»: «Если утром узнать, что такое Дао, то вечером умереть не жалко». Лао-Цзы в своей книжке о Дао и Дэ («Даодэ цзин») пояснял: «Можно рассказывать о Дао, но когда рассказываешь, то уже не о том Дао». Поэтому лучше молчать о понятии Дао; однако надо признать, что оно в каком-то смысле сопоставимо с понятием «Абсолют».

¹³ «Лунь юй. Янь Юань».

ства – *ли*¹⁴. Но следует отметить, что это не деспотизм, а «самодержавие с теплотой и сердечностью», т. к. все общество соблюдает порядок, в том числе и управляющая элита. Ведь «хотя корабль по океану плывет, но океан может его опрокинуть», т. е. правители хорошо знают, что они и подданные взаимообусловлены, им придется уважать своих подданных. В этом смысле и правители не могут быть «свободными» (в смысле «свободы» Христа).

Нас еще интересует средство, с помощью которого достигают цели. Чтобы достичь цели, Конфуций не выбрал ни меч кесаря, ни свободу Иисуса. Он выдвигает понятия *дэ* (благоденствие) и *жэнь* (гуманность): «Управляешь как благодетель – ты как Северная звезда (т. е. Полярная звезда. – Г.С.): спокойно находишься на месте, а все другие звезды кружатся вокруг тебя»¹⁵. Общественное благоденствие он связывает с идеалом благородного человека, обладающего высокими моральными качествами, готового пожертвовать собой во имя истины, с высоким чувством долга, гуманиста, соблюдающего нормы взаимоотношений между людьми и глубоко уважающего старших. Предложив начать моральное совершенствование с самого себя, а затем наладить должные отношения в семье, он выдвинул тезис о том, что государство – это семья, только большая. Тем самым Конфуций распространил принципы отношений долга, почтительности и человечности на административную практику и государственную политику. Китайскому философу принадлежит также идея разумного управления государством, конечной целью которого он считал создание этически безупречного и социально гармоничного общества.

Мэн Цзы (последователь Конфуция) решительно отрицал меч кесаря: «Если хочешь покорить народ силой, народ подчинится, но не сердцем, просто потому, что уступает силой; а покоришь народ благоденствием – и народ поддастся всей душой»¹⁶. Поэтому одна из четырех самых известных книг «Да Сюэй» начинается выражением *сю-цы-жчи-пинь*: человек должен сначала себя воспитать, потом наладить сложные отношения в семье, потом управлять государством и, наконец, покорить весь мир.

Если избранные и поданные конфронтативны у Достоевского, то у Конфуция нет столь категорического противопоставления: пороки многочисленных могут быть вылечены благодаря повышению морального уровня управляющей элиты (избранных). Схожий ход мысли прослеживается и у Лао-Цзы.

Некоторые считают, что даосизм безразличен к политике и к реальности. Хотя такое мнение высказывалось не без оснований, оно все же не вполне точно. Ведь Лао-Цзы тоже много говорил об отношениях между избранными и многочисленными. Он считает, что, если народ голодает, значит, слишком много хлеба просит у него правитель. Если народ не слушается и бунтует, значит, слишком много и активно действует правитель¹⁷. Совет управляющей элите от Лао-Цзы – это недеяние: «Если не превозносить восхвалениями неких избранных, то в народе не будет зависти. Если не восхвалять драгоценности материального мира, то не будет воров. Если не выставлять напоказ страстей, то не будет и соблазнов»¹⁸. Мудрый правитель не ценит драгоценностей и не восхваляет талантливых людей, не показывает своих страстей и желаний, не поощряет конкуренцию. Таким образом, он не создает народу никаких соблазнов, и у народа не появляется никакого желания конкурировать.

¹⁴ Чэнь Дусю. Конституция и религия конфуцианства // Исследования культурных смыслов конфуцианства. Изд-во Чжун Хуа, 2003. С. 27.

¹⁵ «Лунь юй. Вэй Чжэн».

¹⁶ «Мэн-цзы».

¹⁷ Даодэ цзин. Гл. 75.

¹⁸ Там же. Гл. 3.

В таком случае общество будет спокойно, т. к. отсутствие всего названного приносит покой. Поэтому Лао-Цзы учит: «Управлять большой страной – это то же самое, что жарить маленькую рыбку»¹⁹: будешь часто переворачивать рыбку – испортишь блюдо. Недеянием добиваются всего.

Суммируя, отметим, что вопрос спасения общества и человечества для Ф. Достоевского всегда был животрепещущим. В творчестве его поднимается огненный вихрь идей. Жизнь идей протекает в раскаленной, огненной атмосфере – охлажденных идей у Достоевского нет, и он ими не интересуется. Все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе.

По сравнению с ним мысль Конфуция – теплая и умеренная, а у Лао-Цзы она, скорее, холодная. Если характер мышления великого русского писателя онтологичен, энергичен и динамичен, все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе, то идеи китайских мудрецов статичны и пластичны, все в них спокойно и умеренно.

Особенно это относится к Лао-Цзы. Он не питает никакого чувства ни к избранным, ни к подданным. Сам он заметил: «Природа не гуманна, так как рассматривает все вещества как жертвы свои; правитель не гуманен, так как рассматривает подданных как жертвы свои»²⁰. Он считает, что не надо просвещать народ, можно ограничиться укреплением его здоровья.

Не вдаваясь в вопрос о том, хорош или плох такой вывод, обратим внимание на способ построения рассуждения. Оказывается, чтобы решить задачу А, можно сначала обратиться к противоположной задаче В. Два полюса А и В противоположны, но не резко конфронтативны. Здесь Лао-Цзы, а также и Конфуций, отказывались от альтернативного выбора. Конфуций сделал «благодетяние» и «гуманность» мягкой силой, с помощью которой смягчились отношения противоборства между избранными и подданными. Лао-Цзы подчеркивает мягкую силу, т. к. гибкость – это победоносная сила: «Достигнув расцвета сил, все в природе сразу же начинает увядать, старея и умирая»²¹. Он говорит, что самая мягкая и нежная вещь на свете – это вода. Она всегда находится ниже всего, сама не имеет никакой формы: льешь в чашку, и она приобретает форму чашки, льешь в кувшин – она приобретет форму кувшина. На первый взгляд кажется, что ее легко покорить или обидеть, но когда вода собирается в море или океане, ее уже не победишь²². Лао-Цзы приводил также такой пример: трава нежная – дерево крепкое, зато во время выюги погибает дерево, а не трава. Подобные идеи находим и у известного историка Сыма Цяня: «Победит тот, кто имеет благодетяние; умрет тот, кто выставляет напоказ силу»²³. Тот, кто машет мечом, погибнет под ним!

Инквизитор считает, что многочисленные – это порочные бунтовщики, избранным придется с помощью меча наладить отношения с ними и тем самым вернуть им счастье. А Христос высоко поднимает знамя свободы и безусловной любви: тебя ударили – подставь другую щеку; люби врага, даже того, кто при тебе жестоко убил ребенка. Здесь Инквизитор и Иисус – противоположные полюсы А и В. Избранные и многочисленные – тоже два полярных начала (Лотман как-то заметил, что «закон» и «мораль» тоже находятся в противоречии друг с другом у Достоевского). Ф. Достоевский пытался сделать свой выбор (кажется, что он его уже сделал, в пользу Христа, но он не мог отрицать факты слабости человечества, показанные Инквизитором).

¹⁹ Даодэ цзин. Гл. 9.

²⁰ Там же. Гл. 5.

²¹ Там же. Гл. 55.

²² Там же. Гл. 8.

²³ Шицзи («Исторические записки»).

Конфуций и Лао-Цзы такого выбора не делали, они рассматривали такие противодействующие явления как естественные факты. Они расположили противоположные полюсы А и В в едином пространстве, нашли способы балансирования двух начал, т. е. третий путь для решения вопроса, и таким образом объединили два начала А и В в одно целое. В отличие от бинарной структуры мышления Достоевского, мы называем такую структуру мышления «тернарной» (а не просто «золотая середина»).

Кстати сказать, ни Конфуций, ни Лао-Цзы не принадлежали к управляющей элите. Конфуций всю жизнь старался сделать карьеру, хотел служить народу и обществу, но ему не удалось этого добиться. Подобное стремление наблюдается и у героя «Преступления и наказания». Раскольников убил старуху, пытаясь тем самым показать, что он мог оказаться в числе избранных. Конфуций указывает другой путь. Он дает такое объяснение: когда правители справедливы, человек должен служить им. А когда правители бездарны и свирепы, для человека позор получать от них заработок. К этому он еще добавил: «Когда страна расцветает, а ты еще беден и ничтожен, это позорно; когда страна оказалась в беспорядке и бедствии, а ты разбогател и приобрел высокий социальный статус, это тоже позорно»²⁴. Хотя Конфуций не мог добиться достойного социального статуса, он смог найти успокоение в своем объяснении и не потерял душевного баланса. Поэтому Мэн-Цзы оценил его как «гибкого мудреца»²⁵, т. е. человека, который всегда знает, когда ускорить шаг, а когда топтаться на месте, когда приобрести должность, а когда уйти со сцены.

Лао-Цзы умолчал о своей карьере, но указал принцип достижения такой цели: «Могучий человек никогда не старался быть выше и могучее всех, и поэтому смог стать высшим и самым могучим»²⁶. Лао-Цзы считает, что, когда противоположные полюсы доходят до своей крайней степени, могут происходить взаимные превращения: полюс А трансформируется в полюс В или наоборот, например, икона превращается в топор. (Кстати, добавим, что Ф. Достоевский в письме к другу написал, что Алеша Карамазов в продолжении романа может стать революционером, т. е. от иконы перейдет к топору. С другой стороны, Иван Карамазов переходит к топору именно от внутреннего религиозного стремления, от иконы²⁷.) «Беда там, где скрывается счастье; счастье там, где рождается беда»²⁸. Когда человек знает отношения между двумя полярными началами, например, бедой и счастьем, добром и злом, он редко впадает в крайность. Он сможет бережно разрезать дерево, сделав его квадратным, но при этом не допустив, чтобы его угол царапал других; он умеет бороться за справедливость, не повредив обществу; он может себя уважать, не зазнаваясь, так как знает меру. Когда человек не стремится к карьере всеми правдами и неправдами, карьера сама придет. Мы видим, что фундаментальные структуры мысли в конфуцианстве и даосизме принципиально отличаются от тех, что мы встречаем у Достоевского.

²⁴ Луньюй. Тай-Бо.

²⁵ Мэн-цзы. Вань Чжан.

²⁶ Даодэ цзин. Гл. 63.

²⁷ См. мою работу «Мессианство Достоевского». Гл. 4: Икона и топор.

²⁸ Даодэ цзин. Гл. 58.

3. Размышления Конфуция, Лао-Цзы и Достоевского о человеке

В размышлении о человеческой сущности представители обеих культур тоже показали своеобразные способы мышления. «Ф.Достоевский не только отражал строй русской души и познавал его, он был также сознательным глашатаем русской идеи и русского национального сознания. И в нем отразились все антиномии и все болезни нашего национального самосознания»²⁹. В китайской культуре, в построении традиционной национальной идеи роль Конфуция и Лао-Цзы также незаменима. Идеалы конфуцианства и даосизма вдохновляли китайских мыслителей и художников, стремившихся к познанию мира и жизни. С другой стороны, в них также отразились болезни китайской национальной культуры, поэтому известный китайский писатель Лу Синь много и резко критиковал традицию и культуру. Но какими бы ни были подобные недостатки, эти мыслители ярко выявляют характеристики, глубоко укорененные в национальном самосознании обоих народов.

Героев всех романов Достоевского можно разделить на три категории: абсолютно положительные; совершенно отрицательные; герои парадоксальных характеров: зло и доброта присутствуют в них в равной доле.

Например, отец Федор Карамазов сосредоточил в себе все пороки. Он сначала женился на богатой женщине и стал распоряжаться её состоянием. Когда жена убежала и умерла, он совсем забыл о сыне, предаваясь спекуляциям и оргиям различного рода. Через некоторое время он женился вторично – на красивой сироте, совершенно без приданого, и прижил с ней двух детей – старшего Ивана и младшего Алешу. Издеваясь над своей женой и не прекращая во время брака распутной жизни, он в конечном счёте довёл её до умопомешательства и свёл в могилу. Он зверски изнасиловал сумасшедшую девушку, в результате чего родился Смердяков. У Фёдора Павловича осталось четверо детей – Дмитрий от первого брака, Иван и Алеша от второго и незаконный сын Смердяков. Но он ни одного дня не выполнял долга отца, да еще дрался со своим сыном из-за женщины. В нем не найдешь ни малейшего проявления человеческого достоинства. Он даже гордится своим нахальством. Он не человек, а зверь и настоящий дьявол.

Алеша Карамазов – младший сын Федора. Если отец Федор – дьявол, то Алеша – ангел. Он заботится обо всех, любит всех, в том числе и бросившего его отца. Он готов жертвовать собой ради счастья других. В нем не найдешь ни малейшего недостатка. Все люди в самые трудные минуты обращаются к нему как к Богу. В событиях романа Алёша играет достаточно пассивную роль, но при этом он выступает конфидендом почти всех главных персонажей, высказывая то, что говорит их совесть и что говорит Бог.

Дмитрий Карамазов – старший сын Федора. Он парадоксальный персонаж. С одной стороны, он жестокий человек, ненавидел и хотел убить отца из-за женщины, растратил деньги (но не все) невесты ради другой женщины, издевался над безвинным человеком, в результате чего сильно заболел и наконец умер мальчик Илюша... Но с другой стороны, он мог щедро и бескорыстно помогать незнакомой бедной девушке, не претендуя на вознаграждение. Он мог за одно намерение (Митя не убивал, но хотел убить) себя осудить (подлинный Митя остался вне суда мирского), считая наказание справедливым. Он готов ради незнакомомго плачущего младенца пойти на мучение и ссылку. Он помнит свой позор и всячески пытался приобрести деньги, чтобы вернуть долг невесте... Мы видим, что он совместил в себе два несомещающихся начала: дьявол и ангел.

²⁹ Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского. Гл. VII.

Итак, в произведениях Достоевского изображаются ангел – абсолютное добро, дьявол – абсолютное зло и ангел-дьявол, в котором совмещается и то, и другое.

У китайских мыслителей тоже обнаруживаются оппозиции, например, у Конфуция мы встречаем различие людей «благородных» и «ничтожных». Однако различие двух слов опирается не на моральные качества человека, не на противопоставление добра и зла, а на принадлежность к социальному классу. Тех, кто получил образование, называли «благородными», а выходцев из неграмотного народа называли «ничтожными». Например, Конфуций называл своего любимого ученика Фань Чи ничтожным только потому, что тот спрашивал учителя о выращивании хлеба и овощей³⁰. Следует признать, Конфуций действительно противопоставлял благородных ничтожным. Он не раз делал подобные сопоставления: «Благородного притягивает справедливость, а ничтожного – польза; благородный думает о благодетии, ничтожный – о материальных благах; благородный уважает закон, а ничтожный – черный ход»³¹; «Благородный идет на компромиссы, сохраняя свои позиции. Ничтожный делает вид, что соглашается, но втайне упорствует»³². Хотя у ничтожного отмечается немало пороков, Конфуций не посылает его в ад, т. к. «ничтожный всегда не в духе», это уже наказание ему. А у Достоевского добрые своим поступком растрогают Бога, а смерть будет малым наказанием для злых, которых надо бы казнить – и то мало будет. Ф. Достоевский отправляет добрых в рай, злых – в ад. Добрые у Достоевского всегда безупречные, а в злых, следовательно, не найдешь ни малейшего положительного качества. Добро и зло категорически противостоят друг другу. Но Конфуций считает, что благородный человек имеет минусы, а ничтожный имеет плюсы. Он даже считает, что трудно найти настоящего благородного человека, и сам он не принадлежит к числу таких людей. К примеру, среди своих учеников Конфуций больше всех любит Янь Хуэя, который всегда весело жил в глубокой нужде. Что касается морали, он может несколько месяцев крепиться, но не поступать против своей совести и гуманности, тогда как другие будут отстаивать принцип в лучшем случае несколько дней. Конфуций восхищается им, признавая, что в этом отношении учитель уступает своему ученику³³. Он так трунит над собой: «Что касается святости и гуманности, то я не претендую на них»³⁴. Конфуций рассматривает себя как простого человека, и у него действительно наблюдаются человеческие слабости, он «робеет перед чиновниками», не пренебрегает деньгами («и благородный человек любит деньги, но зарабатывает честно»), всю жизнь стремится сделать карьеру. Он не сверхчеловек, не богочеловек, не аскет, не мученик, не страстотерпец, не Бог: он смертный человек. Он редко копается в человеческой сущности: «Не слышал о том, когда Конфуций рассуждал о человеческой сущности и о законе природы»³⁵. Но Конфуций тоже воспитывает человека в моральном плане, но только на практике жизни, в конкретном поступке, а не с помощью трансцендентного Бога. У Конфуция есть только один мир – мир настоящий, у Достоевского два мира: мир настоящий и мир потусторонний. Конфуций тоже хочет повысить мораль людей, но он не стремится к абсолюту, мера и срединный баланс – это его принцип. Н. Бердяев сказал, что Достоевскому чужда середина и переход.

³⁰ Лунь юй. Цзы Лу.

³¹ Лунь юй. Ли Жэнь.

³² Лунь юй. Цзы Лу.

³³ Лунь юй. Гун Е Чан.

³⁴ Лунь юй. Шу Эр.

³⁵ Лунь юй. Гун Е Чан.

Лао-Цзы тоже делит человеческую природу на две категории: добрую и злую. Но он считает, что нет абсолютного добра и абсолютного зла, нет абсолютной истины и абсолютной лжи – все понятия и ценности относительны. В отличие от Конфуция, он рассматривает простоту, бескорыстие и гибкость как добро, а гордость, роскошь и крайность как зло. Лао-Цзы не обсуждает человеческую природу, он только спокойно подсказывает, как добиться лучшего состояния. Прежде всего надо знать, что существуют противоположные начала: добро и зло, честь и позор, черное и белое, сильный и слабый... а потом поступать как вода или как новорожденный, не зазнаваться и не выпячивать себя. Надо ничего не делать, сохраняя свою первоначальную простоту и чистоту, ни к чему не стремиться, довольствоваться тем, что имеешь. В таком случае не будет ни зла, ни преступления.

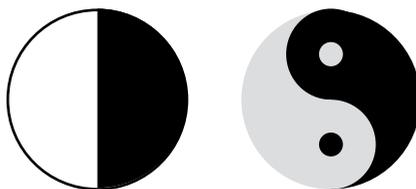
Мы видим, что Ф.Достоевскому свойственно горячее, страстное стремление к наилучшему и наивысшему, Конфуций ко всему относится тепло, но Лао-Цзы равнодушно рассматривает природу всего сущего. Ф.Достоевский борется с инстинктом, как аскет, стремится преодолеть желания и страсти. Конфуций только сдерживает инстинкт и желания, но не прибегает к крайностям. Лао-Цзы своим недеянием декларирует позицию: надо поступать так, чтобы желание совсем не рождалось.

Способ мышления Ф.Достоевского динамичен, он в движении. Конфуций безмятежен, он в гармонии. Лао-Цзы спокоен, он в тишине.

Ф.Достоевский раскалывает предмет пополам: одна половина черная, другая белая. А Конфуций находит в черном долю белого, а в белом – долю черного, считая это нормальным. Лао-Цзы размышляет над отношениями между черным и белым, указывая способ балансирования полярных полюсов.

У Достоевского бинарная структура мысли, а у китайских мыслителей – тернарная (см. схему 1).

Схема 1. Бинарность и тернарность мышления

Если бинарность проявляется в альтернативном выборе – «или А или В» (например: либо социализм, либо капитализм), то тернарность – это третье состояние: «и А и В», или «не А не В» (например: и социализм и капитализм: не социализм не капитализм; и большой рынок, и сильное правительство). Таким образом, вместе с двумя началами существует и третье начало – новая единица, гармонично соединяющая противоположные полюсы в единое целое.

Лао-Цзы говорит: единица рождается от Дао, двое – от единицы, третье – от двоих, от третьего рождается все остальное³⁶. Это значит, что между А и В существует еще какое-то третье начало. Если схематика бинарного мыш-

³⁶ Даодэ цзин. Гл. 42. Здесь дан буквальный перевод текста. Смысл этого предложения очень сложный, и чтобы раскрыть его полностью, надо хорошо знать «Книгу перемен» и восемь триграмм. Поэтому перевод нередко упрощает богатый смысл текста. Надо признать, наше объяснение в нижеследующем тексте также является неизбежно односторонним.

ления позволяет записать $A+B=2$ (к одному добавляется второе, получается два), то схематика тернарного дает: $A+B=3$ (к одному добавляется второе, получается третье).

Что это значит? Это значит, что между А и В существуют какие-то отношения, между черным и белым имеет место какой-то другой цвет, например, серый. Именно это третье определяет баланс в отношениях двух начал.

Приведем еще один наглядный пример. Всем известно, что год состоит из четырех сезонов: весна, лето, осень и зима. Здесь весна и осень являются третьем началом, которое можно обозначит как «и А и В» или «не А не В». При помощи третьего предмет или явление приобретают относительно устойчивое равновесие.

Такой образ мыслей наблюдается не только у Лао-Цзы, но и у Конфуция. В одной из древних книг было так записано: «Конфуций говорит: богатый сумеет быть экономным, высокопоставленный сумеет стать незначительным, умный сможет казаться тупым, храбрый знает, когда стать боязливым, красноречивый одновременно и косноязычный, человек с неизмеримой глубиной интеллекта умеет быть простым, святой знает, когда потушить свое лучезарное сияние... только тот человек, который благороден во всем, может добиться такого состояния»³⁷.

В одной из древних китайских книг была поведана интересная история под заглавием «третье»: змей ест лягушку, лягушка ест сколопендру, сколопендра ест змей³⁸. Соотношения между предметами весьма поучительны: нет всесильного игрока, каждый находится в зависимости от чего-то другого. Другой пример. В Китае с древности пользовалась популярностью такая детская игра: камень (в виде кулака) – ножницы (в виде двух пальцев) – ткань (в виде ладони). Два игрока одновременно показывают свои руки: камень побеждает ножницы, ножницы – ткань, а ткань – камень. Отношения между тремя жестами взаимообусловлены. Такие соотношения наблюдаются и на международной арене: отношения между двумя странами нередко зависят от третьей стороны. Словом, если бинарность – это оппозиционная раздвоенность, то тернарность – это выявление соотношения двух противоположных начал и их гармоничное соединение в единое целое.

Речь вовсе не идет о критике Достоевского, ведь именно бинарная структура мышления сделала его великим писателем. Он задавал такие вопросы, на которые едва ли найдется ответ и через несколько сотен лет. Он не только гений русского народа, он гений всего человечества. Ф. Достоевский – чуть ли не единственный мыслитель, который смог достичь глубины души человека, его философские вопросы открываются людям все с новых и новых сторон. Этот русский писатель – великий антрополог, исследователь человеческой природы. Он создает свою науку о человеке и применяет в ней абсолютно-бинарную схематику мышления. Благодаря этому он раскрывает в человеке раздвоение и поляризацию природы, это трагическое движение, идущее в самую духовную глубину. Призвание Ф. Достоевского – раскрыть в человеке борьбу начал богочеловеческих и человекобожеских, Христовых и антихристовых. В этом заключается его величие, – а также и трагедия его мысли.

Очень поучительными были бы выводы о том, как влияет на общество и человека та схематика мышления, которую мы рассмотрели на примере Достоевского, с одной стороны, и Конфуция и Лао-Цзы, с другой. Ведь не случайно великий швейцарский психолог Карл Юнг сказал, что проанализированный

³⁷ Шо Юань. Цзин шэнь.

³⁸ Гуань инь цзы.

способ выстраивания философии Запада (мышление Достоевского похоже на западное) доведет человека до психического расстройства, а восточный Лао-Цзы залечит его душу от раскола. Но следует отметить, что тернарное мышление тоже имеет свои минусы: она нередко лишает человека творческого вдохновения, иногда доводит до равнодушия ко всему. С другой стороны, гибкость нередко превращается в хитрость у человека, который не умеет соблюдать меру. Это говорит о том, что само достоинство есть и недостаток.

Желательно, чтобы два способа мышления и два строения души могли понимать и дополнять друг друга. Ведь китайская пословица гласит: камни других холмов могут служить для полировки нефрита.